

Виктор Балдоржиев

Закливание оборотня

Рассказы

Виктор Балдоржиев

Заклинание оборотня. Рассказы

«Издательские решения»

Балдоржиев В.

Закливание оборотня. Рассказы / В. Балдоржиев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930152-9

Произведения охватывают разные исторические периоды и судьбы людей Байкальского региона. Отдельным разделом публикуются 3 рассказа из жизни в мастерских художников.

ISBN 978-5-44-930152-9

© Балдоржиев В.
© Издательские решения

Содержание

ЗАКЛИНАНИЕ ОБОРОТНЯ	6
КАК ЦЫПЫЛМА БАЗАРА ИСКАЛА	10
ПРОКЛЯТЬЕ	16
ЖАРГАЛМА И ЖАРГАЛ4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Закливание оборотня Рассказы

Виктор Балдоржиев

© Виктор Балдоржиев, 2018

ISBN 978-5-4493-0152-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗАКЛИНАНИЕ ОБОРОТНЯ

Лейтенант Иван Черкасов прошел через всю войну, видел много смертей, не любил писателей и военных песен. С русокозой женой Наташей и изумрудным немецким аккордеоном он пересек в эшелоне просторы страны, прибыл в кузове полуторки на маленькую заставу у монгольской границы, поселился в угловой комнате бревенчатой казармы и за восемь лет дослужился до капитана. Вокруг была степь, степь и степь, куда из красноярских лагерей возвращались уцелевшие ламы.

Ветер гнал золотистые ковыльные волны и развевал черный чуб смуглолицего капитана, который в голубой майке сидел на ступеньке крыльца казармы и, перебирая перламутровые клавиши аккордеона, напевал в тоскливой тишине:

На зеленом лугу мы сидели,
Целовала Наташа меня...

На загорелых и мускулистых плечах розовели зажившие рубцы, а в глубине черных глаз плескалась печаль. Солдаты любили капитана, капитан любил свою жену Наташу, которая еще совсем недавно выходила из комнаты в легком белом платье и носила в блестящем ведре воду из колодца. Но она недавно умерла.

Беда пришла неожиданно. Черкасов охотился вместе со своим другом, деревенским учителем-бурятом Азаровым. Учитель играл вечерами на скрипке, а очарованный капитан слушал удивительную музыку, рассказывающую о степи. На тархтящем мотоцикле учителя они мчались в клубящейся пыли мимо стремительного стада дзеренов, и Черкасов, белозубо смеясь и не целясь, стрелял в мечущееся живое месиво. Он убил трех маток и вернулся с Азаровым на заставу лунной ночью, чтобы отправить на телеге наряд за добычей. На крыльце штаба заставы вспыхивали красные огоньки сигарок. Охотников встретили испуганные и бледные лица солдат. В окне комнаты капитана мерцал желтый свет керосиновой лампы и металась тень в пилотке, видимо, дневального...

– Наталья Павловна умирает! – дрожащим шепотом сообщил высокий и худой Гайнутдинов, старшина заставы.

– Боря, в больницу! – крикнул ошалевший Черкасов, лихорадочно открывая дверь казармы.

Мотоцикл взревел и подпрыгнул. Рассекая белым лучом ночь, Азаров помчался по влажным травам в районный центр... Уставший, он вернулся утром с молоденьким доктором. Закрыв лицо ладонями, оцепеневший Черкасов сидел на табурете и даже не повернулся на стук двери. Наташа умерла.

– Сердце, – глухо сказал доктор Азарову, садясь на высокое заднее сиденье зеленого мотоцикла.

После похорон жизнь на заставе замерла. Черкасов окаменел и онемел. Белый стусок солнца плавился в знойном небе и опалил высокие тополя вокруг штаба и казармы, шифер и побелевшие гимнастерки солдат. Воздух струился. Только над сухими травами иногда взмывали жирные желтоватые тарбаганы и, лениво пересвистываясь, удивленно всматривались в даль, где в знойном мареве бледно голубела и подрагивала монгольская степь.

Только через месяц Черкасов услышал скрипку Азарова. Тогда он снова тронул клавиши аккордеона и вспомнил забытую мелодию, смеющееся лицо жены, но от этого тоска не таяла, а становилась острее.

Ночью капитан проснулся от торопливого и знакомого стука каблуков. Шла жена. Обрадованный, он проснулся и сел на кровать, собираясь закурить. Но рука его вдруг замерла над коробком спичек. Наташа умерла, ее нет! Шаги приближались. В каптерке испуганно вскрикнул Гайнутдинов, тоненько и плаксиво заверещал кто-то из солдат. Неожиданно в комнате

запахло плесенью и стало холодно. А неистовая луна заливала смятую постель капитана брызжущим и зеленоватым сиянием. Черкасов сходил с ума.

Заскрипела и медленно открылась дверь. Капитан отшатнулся к стене и вскрикнул: в проеме двери, в белом платье, стояла Наташа с ниспадавшей на грудь распущенной косой. Но знакомое лицо было чужим и мертвым. Она долго смотрела на обезумевшего мужа, потом медленно пошла по холодному полу длинной и узкой казармы мимо оцепеневших солдат, стоявших у своих кроватей в белых рубахах и кальсонах. Тягуче открылась дверь, белое платье выплыло в ночь и растворилось в лунном сиянии.

– Товарищ капитан, товарищ капитан, – испуганно зашептал очнувшийся Гайнутдинов, – это была ведьма... ведьма... Татары знают ведьму... Надо к бурятам ехать, это их земля, они тоже знают ведьму...

Постаревший Черкасов нетвердыми шагами вышел из комнаты к солдатам.

В черные волосы смуглого капитана вплелась седина. Застава потеряла покой. Знакомая и чужая Наташа в белом платье приходила в казарму каждую ночь и исчезала с рассветом. А однажды старшина Гайнутдинов сказал капитану, что слышал как она перебирает бумаги в канцелярии штаба.

Рано утром, оседлав высокого вороного, Черкасов отправился в деревеньку, избы которой были рассыпаны по берегу маленькой речки. Высоко вскидывая голову, вороной шел резвой рысью. Из труб серых юрт в небо поднимался дымок, лениво тявкали лохматые чабанские собаки, у подножий сопок паслись овцы и жирные дрофы, а в болотистых низинах поднимали из высокой травы остроклювые головы цапли. Плавно и грузно пролетали над всадником журавли. Черкасов повеселел и вспоминал свое детство в донской степи, цыгановатые лица родных и знакомых людей.

Во всех юртах и в деревеньке уже знали, что по ночам на заставу приходит умершая жена капитана, которая при жизни была как белый цветок в зеленой степи.

– Ваня, это не твоя Наташа, это – оборотень! – сказал, сверкнув глазами, скуластый Азаров.

Его жена, веселая и черноглазая Дулма, испуганно вскрикнула и уставилась на поседевшего Черкасова, который выжидательно смотрел на Азарова. Капитан не верил ни в бога, ни в черта.

– Надо ехать к заклинателю, мы его называем жодчи, – продолжал уже спокойнее учитель, пододвигая другу зеленую кружку с крепким и забеленным чаем. – Сейчас много лам освободили из лагерей. Жди, вечером я привезу на заставу Гылыг-ламу, он – заклинатель.

– Боря, а этот... лама убьет... оборотня? – неуверенно спросил Черкасов осипшим голосом.

– Не убьет, а только прогонит, – невозмутимо ответил учитель.

– Он наш друг и очень хороший человек, – добавила Дулма, ловко разделявая маленьким ножом жирную тушку тарбагана. Черкасов часто приезжал к учителю и был в этом доме своим человеком. Наташа дружила с Дулмой и тоже ела тарбаганье мясо. Они привыкли к степи и знали, что мясо и жир тарбагана очень полезны для здоровья. Коммунист Черкасов искренне дружил с охотником-учителем, который часто приезжал на заставу и играл на своей знаменитой скрипке. Но раньше капитан ни за что бы не поверил, что Азаров верит в оборотней, ведьм и знает с ламами.

Пылающий розовый круг солнца повис над дальней сопкой, от тополей легли длинные тени, и степь розово заголубела, когда Черкасов услышал далекое тарахтенье и увидел показавшийся в степи мотоцикл с двумя седоками. Что-то громко и весело крикнул Гайнутдинов, засуетились солдаты и понесли из столовой в казарму коротконогий столик, который надо было поставить для заклинателя.

Лама был лыс, мускулист и одет в русскую одежду. У него была овальная голова с выпуклым теменем и приятное светлое лицо. Живые и черные глаза разом охватывали и степь, и заставу, и людей. Азаров нес за ним желтый кожаный чемодан.

Заложив руки за спину и чуть сутулясь, лама ходил из угла в угол казармы и раздумывал. Черкасов вдруг отметил про себя, что так ходят заключенные и солдаты из штрафного батальона.

– Гылыг-лама пятнадцать лет жил в красноярских лагерях и вернулся в степь, – негромко рассказывал Азаров, когда капитан вышел на крыльцо казармы. – Помнишь, Ваня, у меня был гнойный нарыв ниже колена? Гылыг-лама нашел в степи белый камешек и обвел им вокруг нарыва. А ночью весь гной и вытек.

Видимо, учитель уважал ламу и радовался его освобождению и появлению в степи. Черкасов наклонился к нему и спросил:

– Твой друг- лама может уничтожить привидение?

– Человек напрасно думает, что может убить то, что не им создано. У всякого создания есть свой творец. Мы не можем уничтожить то, что существует. Но мы вполне можем договориться с ним или запретить ему мешать людям, – вдруг на чистом русском языке сказал лама, выходя из казармы.

– Мне кажется, что в монгольском языке нет слова – лечить, – добавил Азаров, – вместо этого мы говорим – заклинать.

В сумерках лама с Гайнутдиновым возжег благовония. Сизый слоистый дым и ароматные запахи трав поплыли по казарме. Солдаты повеселели и столпились у дверей каптерки, где жил старшина. Черкасов с Азаровым остались в комнате капитана. Лама открыл желтый чемодан и облачился в диковинную красно-желтую одежду, с прицепленными бубенчиками и развевающимися кистями. Потом он быстро нахлобучил на голову высокую и круто изогнутую желтую шапку, с ниспадавшей на лицо черной шерстяной накидкой. На столике, поставленном у самого входа, заклинатель разложил много вещей: продолговатую книгу, обернутую красным шелком, два больших бубна, огромную белую раковину, короткую трубчатую кость с прорезями и бронзовый колокольчик.

– Лампу зажигать не надо, – глухо сказал он из-под накидки, повернувшись к старшине и признавая в нем сообщника.

Ночь выдалась безлунной и темной. Липкий страх снова стал вползать в казарму. Но вдруг послышался громкий и утробный голос ламы, потом несколько раз прогремели бубны, тонко зазвенел колокольчик, и вдруг призывно зарокотала раковина. Черкасов вздрогнул и перед его глазами возник берег Балтийского моря: соленые, пенные волны с шумом набегали на песок и раскачивали трупы немецких солдат, женщин и детей... Вдруг на капитана навалилась тяжелая дрема, но громкие и грозные выкрики ламы не прекращались. Черкасов потерял счет времени. Очнувшись на мгновение, он вдруг услышал знакомый и страшный скрип двери. Кто-то пытался открыть снаружи дверь и не мог. Смутный и грузный контур ламы высоко подпрыгивал перед дверью, звенели бубенчики на одежде. Лама размахивал руками и что-то страшно выкрикивал в экстазе, чувствовалось, что он изнемогает, а дверь вот-вот распахнется. Вдруг тонко и пронзительно остро завывла костяная труба, скрип прекратился, и дверь захлопнулась.

Черкасов провалился в сон... Русокобая и веселая Наташа бежала по зеленому лугу, потом капитан увидел себя с винтовкой в руке и высоко прыгнувшую в смертельном полете матку дзерена. Поседевший капитан плакал и смеялся во сне.

Утром разбудил его Азаров, и он услышал веселый смех старшины Гайнутдинова. Капитан сразу подумал, что пора отправлять на границу наряд и вышел из комнаты. Солнечные лучи окрасили в теплый бронзовый цвет стены и крыльцо казармы. Под стрехой крыши красногрудые ласточки, вцепившись коготками в края ажурных глиняных гнезд, весело переговарива-

лись и кормили птенцов. Гылыг-лама в русской одежде стоял под тополями и оживленно разговаривал с солдатами. Капитан снова почувствовал волнующие и призывные запахи утренней степи и услышал курлыканье журавлей...

Через три дня после заклинания оборотня Черкасов выехал на охоту с Азаровым. Тарахтел по зеленой степи мотоцикл, взмывали над травами тарбаганы, из-за спин охотников выглядывали поблескивающие стволы винтовок. Обогнув пологую сопку, друзья увидели летящее по заголубевшей полуденной степи стадо дзеренов. Мотоцикл резко остановился, Азаров с Черкасовым прыгнули на землю.

– Достану! – азартно крикнул Азаров и вскинул увесистую винтовку. Но поседевший капитан вдруг тоскливо и умоляюще прошептал:

– Не надо, Боря, не стреляй...

6 июня 1999 года. г. Чита.

КАК ЦЫПЫЛМА БАЗАРА ИСКАЛА

Как только в степи узнали, что началась война, Цыпылма сразу засобиравалась в дорогу искать своего Базара.

От торейских озер до большого и пыльного города Читы, где живет много-много русских людей, можно добраться на телеге или верхом на коне. Так и поступает тот, кто боится железного паровоза, ревущего сильнее колхозного быка в охоте и бегущего по степи, как черный верблюд-самец, бура. Такой человек добирается до города несколько дней.

А тот, кто не боится паровоза или везет мало мяса, доезжает только до Борзи или Бырки. Там он садится в теплый вагон, который иногда дергается и трясется, как от озноба. Этот счастливец и смельчак смотрит на множество разноговорящих и пестро-одетых людей, быстро бегущую степь, горы, реки, деревья и спокойно едет до города день или ночь. Так быстро! Но такой человек должен говорить по-русски, как буряты, живущие на станциях, а не показывать и не отчеркивать себе ребром ладони грудь, руки, ноги, голову или даже язык, когда продает или меняет на что-то мясо. Ведь русские могут подумать, что их дразнят.

Цыпылма не боялась черного паровоза, она ездила в вагоне со своим Базаром. Но Цыпылма жила далеко от станции и не знала русского языка. Русский язык знают только очень умные люди. Базар знает. Но он – в Чите. Цыпылма пасла овец и была не такой умной в этом деле, как другие. Она попросила поехать с ней искать Базара хорошего человека – Болота, который служил в армии и ходил в ботинках. Он разговаривал и матерился с русскими, как борзинский или оловянинский мужик, и нисколько не боялся их, хотя тоже пас овец. Цыпылма очень уважала этого человека и старалась не обращать внимания на его похвальбу и хвастовство, считая это явлениями преходящими. Болот был другом ее Базара, которого она собиравалась искать в большом городе...

Базар давно отслужил в армии, знал русский язык, но его почему-то снова взяли служить на три месяца. Он уехал в Читу в начале апреля, а сейчас был июль. Базар не давал о себе знать, хотя из армии часто писал письма, которые читали Цыпылме грамотные знакомые и родственники. Что могло случиться, почему Базар молчит, почему он не скучает по маленькому сыну Загда-Хорло и своей Цыпылме? Он ведь очень любит их родную торейскую степь! Надо найти его, ехать в город.

Говорили, что война продлится недолго, но она все равно боялась за своего Базара, а Болот смеялся и говорил, что снайперы будут стрелять немцев, как тарбаган. Конечно, так говорить большой грех, но Цыпылма посмотрела на Болота и промолчала.

Она попросила знакомых заколоть двух эргэнов-валухов. Цыпылма, конечно, найдет Базара, он, наверное, давно не ел баранины. Часть мяса можно продать в городе, буряты всегда продают мясо русским, часть они съедят с Болотом в дороге, поделятся с людьми. Она наварила много мяса, сделала хошхонок, колбасы. Сама принарядилась. У нее было овальное лицо с тонкими чертами, нос горбинкой, черные, черемуховые, глаза, четко очерченные губы. Приехавших на телеге Болота и его племянника встретила матово-смуглая красавица с гибким и тонким станом в конусообразной зеленой шапочке с красными кистями и новым, колокольчиком от пояса, халате-тэрлике, крытом узорчатым синим шелком, который, переливаясь, сбегал до земли. Маленький и худощавый Болот громко рассмеялся, а потом важно сказал:

– Ты, Цыпылма, дура! Надень русское пальто и шапку. Так некрасиво ходить по городу. Русские будут пальцами показывать и смеяться!

Высокая Цыпылма недоуменно взглянула на важничавшего Болота и увальня-племянника и звонко проговорила:

– Почему же некрасиво? Русская одежда холодная и короткая. Тэрлик красивый, удобный. Мне кажется, что в нем я крепко стою на земле. Базар будет рад. Правда, сынок?

Она понюхала голову маленького Загда-Хорло, который вертелся под ногами гостей. Он оставался с бабушкой.

– Ладно, поезжай, как хочешь. Только мне будет неудобно ходить с тобой по городу и встречаться с русскими знакомыми и начальниками, – вздохнул Болот, одетый в серый костюм, черные брюки и крепкие ботинки. На большой и круглой его голове была кожаная кепка, время от времени он посматривал на блестящие золоченные часы на запястье и значительно оглядывал присутствующих. До станции ехать далеко, племянник заторопился...

– Зачем мы взяли столько мяса? Базар на переподготовке, там их хорошо кормят, – говорил Болот, когда они ехали на телеге в Борзю. Была темная ночь, и яркий тонкий клинок месяца не озарял степь, но племянник хорошо знал наезженную дорогу. Цыпылма была взволнована и молчала. Скоро она встретится с Базаром. Нет, Цыпылма не будет причитать и говорить ему о своих волнениях. У нее умный и сильный муж, он все поймет без слов.

– Красная Армия разобьет фашистскую Германию и без твоего Базара. И чего ты боишься? – рассуждал Болот. Испугавшись, что он сейчас снова заговорит о немцах и тарбаганах, Цыпылма встрепенулась и развязала кожаный мешок.

– Давайте лучше кушать, а там все друзьям Базара отдадим, – предложила она. Набив рот, Болот не сказал богохульных слов.

На рассвете они приехали в Борзю. Болот купил билеты. И они, с мешком и двумя большими фанерными чемоданами, сели в вагон. Повсюду сновали разные люди, почти все говорили на русском, встречались и буряты. Было очень много военных. Люди смеялись, кричали, курили. Казалось, что в небе не облака, а – дым!

Ровно постукивали колеса. Цыпылма сидела у окна и смотрела в бледный предутренний сумрак. Медленно пробуждалась быстро мелькавшая степь, вдали, синяя, пробегали горы, леса, блестели речушки. Вышло солнце и окрасило бегущую природу в багровые и желтые цвета. Рядом Болот о чем-то оживленно разговаривал с русскими мужиками, где-то говорили по-бурятски. Вагон равномерно покачивало, как большую зыбку. И Цыпылма сладко задремала.

Проснулась она уже после полудня. Ее расталкивал шустрый Болот, нарезавший мясо и купивший где-то хлеб.

– Просыпайся, Цыпылма, кушать будем! – крикнул он, приглашая присоединиться и своих соседей. На столиках и фанерных чемоданах появились яйца, чай в бутылках, хлеб. Разговоры не смолкали.

– Дарасун! – крикнул радостно Болот. Почему он кричит? Выпил что ли? Вагон качнуло. Цыпылма засмеялась, скоро она увидит своего Базара! Неожиданно люди в вагоне зашумели, загалдели, о чем-то громко спрашивали вошедших пассажиров. Мелькнула в чьих-то руках газета. Цыпылма все чаще и чаще слышала – «Брест... Минск... Киев... Окружили...» Болот перестал смотреть на свои часы, он был взволнован и недоуменно смотрел на русских людей. Перед Цыпылмой, как светлые пятна, мелькали встревоженные лица.

– Что случилось, Болот? – не вытерпела она.

– Люди говорят, что немцы взяли много городов, что окружили много наших солдат! – крикнул ей Болот, совсем забывший о своих золоченных красивых часах... Цыпылма ахнула! А говорили, что война продлится недолго. Не надо говорить, надо молчать и делать. Базара отправят на войну, его там могут убить. Как все плохо получается! Она заволновалась, рядом что-то говорили Болот и русские люди, но все слилось в сплошной гул. Зачем гул, зачем шуметь. Лучше быть спокойным, твердым, помогать друг другу, когда трудно... За окном мелькал лес, потом появились деревянные дома, поезд начал сбавлять ход.

На станции истошно кричали паровозы, клубился черный дым. Было очень много людей, голосили и плакали женщины, сустились солдаты, лязгали вагоны. Цыпылма и Болот с трудом

пробрались через этот муравейник на улицу и огляделись. От старых и морщинистых тополей ложились длинные тени, было пыльно и жарко.

– Пойдем в военкомат! – решительно сказал Болот и, вспомнив про свои часы, блеснул ими и пробормотал по-русски. – Пять шасов. Нишево, успем...

Они потащились по пыльным, песчаным улицам мимо каменных и деревянных домов. Навстречу им попадались взволнованные люди. В большом двухэтажном доме с блестящим полом, коридорами и лестницами, важный Болот вдруг оробел, стал маленьким и снова забыл про свои часы.

– Иди и спроси у самого большого начальника Тумурова Базара! – велела ему Цыпылма, снимая с плеча тяжелый мешок и оглядывая помещение и военных, сновавших туда-сюда. Некоторые из них с любопытством или же недоуменно смотрели на Цыпылму. Болот засмутился, поставил чемоданы, потом неожиданно исчез. Цыпылма села на стул у большого светлого окна с белым подоконником. За окном был пышный, запущенный сад, и Цыпылма засмотрелась на деревья, хотя все время думала о войне и Базаре и краем глаза видела узкий коридор со множеством дверей. Вдруг откуда-то вынырнул Болот с бумажкой в руке и подбежал к Цыпылме.

– Нашел? – обрадовано спросила Цыпылма. Но Болот нахмурился и яростно зашептал ей, быстро оглядываясь:

– Пойдем скорей на улицу. Тут ходят большие начальники, а ты сидишь тут в бурятской одежде с мешком мяса... Сейчас, когда страна испытывает трудности... Пахнет. Нехультурно.

Он сказал русское слово и заерзал вокруг стула.

– Что ты к моей одежде прицепился! – рассердилась, вставая и оправляя синий шелковый халат, Цыпылма. – Тут такие же люди, как и мы с тобой. У них две руки, две ноги, они дышат таким же воздухом... Сказал тебе большой начальник, где мой Базар или нет?

– Мы пойдем в Антипиху, там есть знакомые, там военные, – обиженно проговорил Болот, таща Цыпылму за пышный плечевой буфф халата на улицу. И задумчиво добавил по-русски. – Нишево, успем.

Опять они потащились по длинным и пыльным улицам, потом начались сосны. Цыпылма устала, но где-то впереди был ее Базар, и она, клонясь под мешком, упрямо продолжала идти, подгоняя Болота. До сумерек было еще далеко.

– Красная Армия временно отступает. Так мне сказал начальник, – говорил Болот, когда они сели отдохнуть под соснами. – Надо скорей ехать домой. Придет бумага, а меня не будет дома. Скажут – дезертир!

– Но тебя могут убить на войне! – взволнованно сказала Цыпылма, тяжело дыша и думая о войне, Базаре, Болоте, себе и маленьком сыне.

– Нишево! – сказал по-русски Болот и поднялся, берясь за чемоданы.

Солнце позолотило верхушки тополей и сосен, когда они добрались до высоких деревянных заборов и столбов с колючей проволокой. Тут ходили только военные, урчали зеленые машины, с лязгом ползли тяжелые чудовища с длинными железными хоботами, которые Цыпылма уже видела в степи и Борзе. Ей стало страшно, но она старалась смотреть равнодушно. Маленький Болот сразу приосанился, его кривые ноги стали прямее, шаг тверже и четче, хотя он и сгибался, неся два тяжелых чемодана.

– Спросить у самого большого начальника военных Тумурова Базара! – снова велела Цыпылма, когда Болот сел на скамейку под тополями и, отдышавшись, закурил купленную в ларьке папиросу. Он сидел важный и обмахивал вспотевшее лицо кепкой, как большой начальник. Цыпылма рассердилась.

– Болот, ты надулся, как тупой баран! – звонко и громко сказала она. – Иди и спроси у самого большого начальника своего друга и моего мужа – Тумурова Базара!

– Есть! -важно отчеканил Болот, как русский солдат, и направился к белой будке у ворот, откуда выглядывал высокий солдат с длинным ружьем. Болот направился прямо к нему. Он бойко заговорил с ним, одарил папирсой. Вышел другой солдат, и того Болот важно угостил папирсой. Высокий что-то крикнул Болоту и побежал к длинным красным баракам, видневшимся в проеме открытых ворот. Там маршировали солдаты, Цыпылма не отрывала от них глаз. Может быть, среди них Базар? Может быть, он тоже поет с русскими солдатами и шагает в строю?

Вдруг она радостно вскрикнула, легко вскинула на плечо мешок и побежала, путаясь в полах тэрлика. Около будки показался высокий солдат, за ним бежал другой – бурят! Они остановились около Болота.

– Базар! – крикнула Цыпылма, подбегая и осеклась разочарованно. Перед ней стоял молоденький бурят в новой гимнастерке. Он смущенно оглаживал остриженную худую голову.

– Он тоже Тумуров Базар, – поспешил объяснить Болот Цыпылме, – только не ононский, а оловянинский. Его на десять минут командир отпустил...

– Тетя, а я удивился, думал, что мама приехала, – разочарованно промямлил солдат. Цыпылма звонко рассмеялась и неожиданно сказала по-русски, как важничавший Болот.

– Нишево!

И всем стало хорошо. Она развязала мешок и позвала всех к скамейке под тополями. Солдаты ели вареное мясо, колбасы и хошхонок. Цыпылма смотрела на них и радовалась, смотря на стриженные головы и веселые лица с набитыми ртами. Зря Болот боялся, что мясо испортится. Всем хватит!

– Тут везде солдаты! – говорил молоденький Базар, жуя мясо, – вы, тетенька, поспрашивайте. Много бурят на переподготовке в Песчанке...

Он повернулся к Болоту. Тот важно кивнул, давая понять, что уж кто-кто, а он-то хорошо знает Песчанку. Потом закатал рукав костюма и долго всматривался в часы.

– Ешьте, ешьте. Мяса много! – сказала Цыпылма, улыбаясь и смотря на солдат. – Берите с собой, друзьям отнесите...

Она знала: если встретила солдата-бурята, значит совсем рядом, где-то тут, есть ее Базар.

Ночевали они в русской семье, которую хорошо знал Болот. Всю ночь они пили чай, ели мясо и разговаривали. Утром снова начали поиски, но Тумурова Базара в Антипихе не было.

– В Песчанку пойдем, – решительно сказал Болот, не унывая, и добавил, как всегда, – нишево.

Они снова побрели по лесу, через сопку, потом мимо низеньких домов. Опять Цыпылма видела деревянные заборы, колючую проволоку, будки, ворота, машины, танки. Около одной будки рыжий, в конопушках, солдат встрепенулся и весело переспросил:

– Тумуров Базар? Сейчас... Золотухин, – громко крикнул он в дверь, – найди толстого Базарку, бегом!

Цыпылма вскрикнула и замерла в ожидании. Чернявый Золотухин привел плотного, лет тридцати, бурята, тот добродушно улыбался. Тоже оказался Тумуровым Базаром.

– Ононские? А я – еравнинский! – смеялся он. – На переподготовке тут худею. Мужа ищешь? А я тебе не гожусь! – он шутливо толкнул Цыпылму локтем и подмигнул. Болот нахмурился. Но Цыпылма весело рассмеялась.

– Я своего найду! – сказала она. – Ешь мясо, Тумуров Базар, друзей своих угости. Мы пойдем дальше. Бери, бери мясо, не стесняйся. На войну, наверное, поедешь... Убить могут!

– Нишево! – сказал по-русски толстошекий и жирный Тумуров Базар, уплетая кровяную колбасу и, хлопнув себя по мускулистой темной груди, рассмеялся, – Харасная Армия ивсех сильней!

Цыпылма и Болот ходили от части к части и смеялись, вспоминая веселого и толстого солдата. Вечером они нашли еще одного Тумурова Базара. Этот был пожилым человеком, с круглым животом. Бывший начальник сгонял жир на переподготовке и был офицером.

– Завхоз я здесь. Трудно стало, война. Но нишево! – строго говорил он, жуя мясо и смотря на Цыпылму и Болота сквозь круглые и толстые очки. – Тут легко, в колхозе трудно! Сейчас самое главное – бдительность. Ищите своего Базара, найдете...

За два дня Цыпылма и Болот обошли всю Читу, видели пять Тумуровых Базаров, но своего так и не встретили. Не нашли они его и на третий день, хотя встречали много бурят, призванных со всего Забайкалья. Все они радовались зеленой шапке и синему тэрлику Цыпылмы и посмеивались над Болотом.

– Сейчас много частей отправляют на запад, – объясняли они им. – Может быть, вашего Базара давно нет в Чите.

– Вот что, Цыпылма! – сказал Болот на четвертый день. – Нам надо ехать домой. Меня, наверное, бумага из военкомата ждет. Тут японские шпионы! Слышала, что офицер говорил? Бдительность!

– Что ж, поедем, – согласилась опечаленная Цыпылма. Наверное, ее Базара нет в Чите. А вдруг она придет домой, а там письмо? Она заволновалась и заторопила Болота, который вытаскивал из погреба знакомых оставшееся мясо, подозрительно принюхивался и вертел около носа куски.

– Не испортилось. На вокзале продадим! – решил Болот, накладывая мясо из чемодана в пустой кожаный мешок.

– Надо купить разноцветные нитки, пуговицы, бусы, – считала Цыпылма. Болот выпучил на нее глаза и отчаянно закричал:

– Какие нитки! Какие бусы! Сейчас, когда страна испытывает трудности, ты... ты... Нам надо мясо продать!

Потом он важно посмотрел на свои золоченые часы и скомандовал опешившей Цыпылме, как русский командир солдатам:

– А ша-агом аарш! И рас, даба и тыри...

Вокзал бурлил. Плакали и кричали женщины. Казалось, что паровозы изранены и потому кричат, не умолкая. Повсюду сновали солдаты, солдаты, солдаты. Цыпылма жалостливо смотрела на них. Они едут на войну. Их там всех могут убить. Где же ее Базар? Может быть, его уже нет в живых? Цыпылма была сильная женщина, она только стиснула зубы и мысленно помолилась за то, чтобы смерть миновала мужа. Мимо нее шли и шли солдаты к красным вагонам, а она, оцепенев, продолжала смотреть на них.

– Цыпылма! Давай мешок! – заорал Болот, пробравшийся к старухам, торговавшим вареным картофелем и молоком. Цыпылма очнулась. Мешка нигде не было.

– Растяпа! – ругался Болот. – Солдаты, наверное, стащили. Вон их сколько! Такой мешок, такой мешок! Куда ты только смотрела?

– Пусть... Ты тоже там будешь, – сказала Цыпылма и, вдруг рассмеявшись, махнула рукой и громко крикнула:

– Нишево!

Болот изумленно посмотрел на нее и тоже рассмеялся.

Рассказ будет неполным, если я не признаюсь, что это документальный рассказ, а потому закончу его без художественных излишеств.

Дома Цыпылму ждало письмо. Базар писал, что их отправляют на фронт. Письма от него приходили до самой победы, но с войны он не вернулся. Цыпылма была сильной женщиной. Она всю жизнь прожила одна и пасла колхозных овец.

В конце восьмидесятых годов дети и внуки Базара и Цыпылмы прочитали в газете, что Тумуров Базар погиб 1 мая 1945 года под Берлином и был награжден орденом Красной Звезды. Им вручили орден в районном военкомате.

Давно умерла бабушка Цыпылма, не стало многих мне близких людей. Старые ононские и торейские буряты, мои родители, родственники и знакомые, друзья моих родителей, среди которых я вырос, почти все ушли из жизни. Их было много – неграмотных и малограмотных. Случайно или закономерно я встретился с ними в мироздании и никогда больше не увижу их наяву.

По ночам они оживают в моей памяти и говорят со мной. В сущности, мы одиноки – я и мой талант, но с ними нам становится хорошо. Ведь все, что было с ними, было и с нами, все, что любили они, любим и мы.

Я смеюсь во сне и повторяю вслед за ушедшими людьми:

– Нишево!

Апрель 1998. Новая Заря.

ПРОКЛЯТЬЕ

Все в степи сочувствовали Жамбал Базару, но никто не ожидал, что этот добродушный и сильный человек решится и убьет старуху. Какие силы его гнали, нам никогда не узнать!

Летней ночью у него умер единственный сын, не прожив и года. Наверное, тогда он и решил убить ведьму. Глаза Жамбал Базара помертвели, стали холодными, как бело-зеленый лед, а коричневое, почти квадратное, лицо с глубокими, как раны, складками вокруг толстых губ застыло и закаменело. Казалось: ткни его ножом он и не почувствовал бы.

Ведьма была черная старуха, высокая и жилистая, с орлиным носом и пронзительными черными точечками глаз. Она не знала усталости, язык ее непрерывно изрыгал ругательства и никогда, наверное, не отдыхал. Во сне ли это было или наяву? Старуха выплывала из тумана и стояла, покачиваясь, в зеленой степи черным обгорелым деревом и, вздымая руки к рваным ключьям низко летящих туч, зловеще сверкала глазами и посылала проклятья кровавым пенящимся ртом вслед Жамбал Базару, где бы он ни был. Спрятаться и скрыться от нее было невозможно, никакой конь не унес бы вдаль, за горизонт, от ее ругательств. Она догнала бы его...

Жамбал Базар снова осиротел. Он съездил в дацан, потом запряг коня в старую телегу. Маленький гроб можно было унести на руках, под мышкой или на плече. У Жамбал Базара здесь никого не было. Впрочем, с малых лет он привык все делать сам, никогда никого ни о чем не просил. Может быть, не надеялся или стыдился?.. Он похоронил сына у подножия пологой сопки, около медленного и сверкающего под солнцем Онона. По обычаю предков возжег благоговения, помолился и пожелал сыну в следующей жизни родиться счастливым человеком или божеством, ибо у него не было и не могло быть грехов. Но в следующей жизни они не встретятся, больше они не встретятся никогда!

Сын нужен был в этой жизни...

Итак, там стало три могилы. У их изголовий ветер развеивал на длинных шестах две полинявшие и одну яркую красные полосы материи, на которых были отпечатаны какие-то изображения и молитвы. Жамбал Базар их особо не разглядывал. Освященные знамена ему давали ламы в Цугольском дацане, куда он приезжал три раза за этот год. Сначала отошла его маленькая, сгорбленная, бабушка Дарима, которая вырастила Жамбал Базара. Потом заболела и умерла молчаливая жена Бимба. Сын после нее прожил два месяца. Жамбал Базар не стал хоронить их на общем кладбище бурят, да и далековато было ехать. Он всю жизнь жил по-своему и даже не замечал этого, не знал и не хотел знать, что самостоятельный человек – вечный укор для общества. Жамбал Базар был самостоятельным. Он мог бы один вырастить сына достойным человеком!

После полудня он въехал на своем высоком, армейском, вороном в пыльную Оловянную, привязал коня у тополей райотдела милиции, где с недавних пор работал табунщиком. Рыжий и красномордый дежурный в мятой фуражке, перетянутый скрипучими ремнями, начал сочувствовать широкоплечему табунщику, но Жамбал Базар, не очень-то уважавший своих новых хозяев, оборвал его:

– Я поеду дня на три в Кункур. Мне надо, сами понимаете. Присмотрите за конями, не обижайте их, – мрачно сказал он на плохом русском языке и, не дожидаясь ответа, вышел на улицу, где под старыми тополями ждал его верный вороной под легким казачьим седлом. Вихрастые русские ребятишки, раскрыв рты, смотрели на Жамбал Базара.

Дежурный, бормоча слова сочувствия, вышел на крыльцо. Взметнулась пыль, рассыпались голопузые ребятишки, пригнувшись к жесткой гриве, Жамбал Базар поскакал по улице к сверкающей реке. И конь, и всадник слились воедино и были обуяны какой-то единой мыслью. Его семью погубила черная ведьма. И эту ведьму надо убить! Так, видимо, решил Жамбал Базар, хотя нам никогда не узнать подлинных причинах человеческих поступков.

Год назад Жамбал поставил юрту там, где Онон начинает поворачивать на северо-восток, и устроился на работу табунщиком райотдела милиции. Лучше бы он сразу убил ведьму! В юрте еще тлел аргал, в котле выкипал чай. Он не мог смотреть на пустую деревянную зыбку с брошенными на землю ремнями и, взяв свой лучший синий халат-тэрлик, отделанный по груди парчой, сапоги и дорогой нож, вышел и крепко запечатал маленькую дверь. К вечеру он пригнал коней и закрыл в загоне, потом застреножил и отпустил попастись своего вороного.

Выплыла из-за туч тревожная луна, и бледно-красный шар закачался на мелкой ряби Онона, серебристая дорожка прорезала темную реку и беспокойно задрожала. Дул легкий ветерок. Мелкими белыми огоньками вспыхивали нож и ножны, украшенные серебром. Жамбал Базар сидел на валуне и гладким оселком точил и без того острый нож и задумчиво смотрел на реку и дальние контуры сопки. Изредка в ночи лаяли собаки, и всплескивала вода. Иногда степь и река вздрагивали – проходил поезд...

Нет, он больше не будет входить в эту юрту, где раз за разом умерли его родные и сын. Пусть там все остается, как есть. В юрте живет дух ведьмы, как он мог забыть об этом! Этот дух преследует его давно...

Он вспомнил кункурскую степь, бледно-голубой налет над просторами и сопками, редкие раскидистые сосны Цирик Нарасуна,¹ песчаные овраги в кустарниках и зеленую долину Онона в тальниках и сверкающих протоках. Он услышал крики знакомых людей на пестром летнем празднике, когда друзья уговорили его бороться с этим толстым и сильным, как бык, Тунту Дамбой. Да, черный Тунту Дамба был сильным борцом, чемпионом аймака, он взял много призов, но Жамбал Базар бросил его на кункурскую землю под ликующие крики толпы. Сам Жамбал Базар не ликовал, он думал, что в жизни случается всякое. А Тунту Дамба сразу оделся, вскочил на коня и ускакал в свой Судунтуй, подальше от позора. Жамбал Базар до сих пор не мог понять такого каприза людей. Оказывается, им ничего нельзя говорить, их нельзя побеждать, тем более им нельзя возражать. Обидятся!

Он попробовал пальцем лезвие ножа, нет, еще рано. Жамбал Базар точил ножи до бриткости и обривал самого себя, если просили – знакомых, а иногда – и кункурских ребятишек. Он любил смотреть за их игрой в чеканку, раздавал им медные и серебряные монеты, если удавалось выиграть в карты у стариков. Как и всякий степняк, он любил стариков и детей, но жалость его всегда отличала сирот и бедных, для них он ничего не жалел. Да, Жамбал Базар мог бы счастливо прожить у себя в Кункуре, если бы не эта черная ведьма, преследовавшая его!

Звали ведьму Ундэр Хандама, она была матерью румяной и пухлогубой Долгор, первой жены Жамбал Базара. Все проклятья ведьмы можно было свести к гневному и короткому окрику-вопросу: «Ты кто такой?» и не менее краткому ответу: «Ты – никто!», которые никогда не давали ей покоя...

Луна все чаще окуналась в тучи, ветер становился холоднее. Жамбал Базар снова попробовал пальцем лезвие и начал править нож о голенище сапога.

Он вырос сиротой под присмотром бабушки, и женился, когда ему было за тридцать. Женился по любви. Да кто бы мог его женить? Родители и младшие сестры с братьями умерли от оспы, когда маленький Базар гостил с бабушкой у родственников... Ундэр Хандама, увидев, что плечистый и молчаливый Жамбал Базар разговаривает с ее дочерью, взбесилась:

– Ты, отродье бешеных обезьян, голь перекатная, жующая по ночам шкуры дохлых ягнят! Ты кто такой? Не смей даже думать о моей дочери! Долгор, отойди от этого сопливого куцана!² – кричала и визжала Ундэр Хандама на все стойбище из пяти юрт и сараюшек.

Никто не посмел остановить злобную старуху, все боялись ее. Ундэр Хандама не только ругалась, но и посылала проклятья, которые, по мнению степняков, или сбывались или должны

---

¹ Цирик Нарасун—Сосновое войско.

² Куцан—баран производитель.

были когда-нибудь сбываться. Бывало, что старуха яростно, с пеной на губах, ругала какую-нибудь женщину и у той подыхали корова или овца. Говорили, что язык у старухи раздвоенный, как у змеи.

В тот раз Жамбал Базар набычился и промолчал. Промолчал он и в следующий раз, когда Ундэр Хандама увидела его и снова завизжала, подступая к шарahnувшейся от нее лошади:

– Ты, съевший дохлую мышь, ты гордая сопля, ты, не признающий людей тарбаган, чтобы твой род никогда не возродился, чтобы вы все исчезли с лица земли! Не подходи к моей дочери!

Сердце колотилось, закрывая гортань, стучало в ушах, но он не посмел даже глаз поднять на будущую тещу. Он договорился с Долгор, что этой ночью украдет ее, как и положено по обычаю.

И украл!

Ах, как обрадовалась его стареющая бабушка. Бедная, всю жизнь прожившая в нищете, она не знала куда и посадить невестку, радовалась и смеялась, глядя на мускулистого и высокого Жамбал Базара, грустила, вспоминая его родителей. Удивлялась – как это ее молчаливый внук смог договориться с такой красавицей?! Вот теперь будет настоящая жизнь, и она не уставала молиться.

Но через неделю бабушка загрустила, дошли проклятья ведьмы.

– Базар, обязательно съезди в дацан! Помолись и расскажи обо всем ламам, – советовали люди стойбища, где они смотрели за колхозными овцами. Жамбал Базар не раз побывал в золоченном и сверкающем Цугольском дацане на берегу Онона. Но и ведьма ездила к ламе и очень распрекрасно разговаривала с ними. Только Долгор была спокойна.

– У нас все воруют невест! – смеялась она. – Ничего, мама поругается и перестанет. Она все время ругается. Ничего!

Старуха не появлялась. Однажды Жамбал Базар приехал в колхозный магазин и столкнулся со своей тещей. Старуха опалила его желчным взглядом, высоко вскинула свою черную голову с орлиным носом и завизжала на всю округу, показывая длинный алый язык:

– А-аа! Это ты, урод, не уважающий начальников, лам и людей! Пес, укравший мою дочь, дохлый куцан, живущий в одиночестве, возомнивший себя человеком. Ты кто такой? Таких, как ты, всегда можно найти!

– Остановитесь! – поднял руку Жамбал Базар.

– А-аа, ты еще меня матерью назови! – подпрыгнула в истерике старуха. – За что ты не любишь людей? Пусть никогда не возродится твой род, пусть голова твоя превратится в череп, пусть засохнет и умрет твое семя, дохлый куцан!

Люди онемели и стали бесшумно расходиться, стараясь не попадаться на глаза Ундэр Хандаме. Жамбал Базар молча прошел к своему коню и ускакал в степь. Обида вздымалась в груди и душила. За что его не любит старуха? Что он ей сделал? Он не верил, что черная старуха – ведьма.

Они прожили с Долгор год, мечтали о ребенке. Но жена так и не забеременела. Они должны были хорошо жить, у них было уже около тридцати своих овец, председатель колхоза обещал построить на стоянке хорошую кошару и дом вместо круглого жилища, сплетенного из тальника и обмазанного глиной и коровьим пометом. Но вдруг в начале лета приехала на телеге Ундэр Хандама. Все рухнуло!

– А-аа, прижились, паршивые собаки! – Завопила ведьма, уверенно входя в жилище-юрту и пронзая взглядом опешивших молодоженов и бабушку Дариму.

С божницы взирали боги, Жамбал Базар молчал, боясь их прогневить, ведь Ундэр Хандама теперь считалась его матерью.

– Я думала, она поголодает и вернется! А они тут богатеют, несчастные! Что за дохлятину тут варите! – продолжала вопить неистовая ведьма и пнула крепким сапогом-гутулом котел на треножнике, где бурлил ароматный суп с мелко нарезанной лапшой. Котел опрокинулся,

огонь зашипел и зачалдил. Поднялся пар, в жилище-юрте стало дымно, запахло подгорелой лапшой.

– Собирайся! – кричала Ундэр Хандама на дочь. – Поедешь домой! Нечего тебе тут делать с этим дохлым куцаном, которого никто не уважает. Я старая, кто будет смотреть за мной? Будешь женой нашего соседа, Толстого Дондока.

– Вы могли бы жить с нами, – заикнулся Жамбал Базар.

– С вами? – взвизгнула, подпрыгнув, ведьма. – Ундэр Хандама никогда не обедала нищих и грязных, как ты, дохлый куцан. Пусть у тебя никогда не будет детей, чтоб ты, подох, паршивая обезьяна... Собирайся, Долгор, иначе я сделаю так, что твой куцан и старуха помрут тут же! – истерично завопила ведьма.

Долгор заплакала, потом молча оделась и вышла. Бабушка Дарима молилась богам. Стойбище прислушивалось.

– Проклинаю, проклинаю, проклинаю весь твой род, пусть не будет у вас жизни, пусть несчастья преследуют вас! Ты ниже, ниже, ниже нас, ты недостойн жить с людьми! Ты кто такой? – вопила ведьма, нагружая телегу вещами дочери.

Потом она развернула коня и покатила прочь, успевая колотить дочь. Люди на стойбище вышли из юрт и, разинув рты, смотрели вслед удаляющейся телеге. Все молчали и были напуганы, но каждый втайне был рад, что не попался на глаза Ундэр Хандаме, что ее ядовитый змеиный язык не проклял его. Старуха могла обругать и проклясть ни за что.

– Что ж, сынок, видно не судьба, – прошептала бабушка Дарима, поднимая упавший котел и ставя на треножник.

Почерневший Жамбал Базар сидел на деревянной кровати и молчал.

Ночью с гулом и шумом прошла гроза. Утром омытая зеленая степь с яркими цветами и тонким белым ковылем была, как новый ковер. Бабушка Дарима повеселела и говорила:

– Видишь, Бурхан смыл все проклятья. Не горюй, Базар, ты молод, будет и у тебя счастье. Не связывайся с ведьмой.

Но люди на стойбище настойчиво советовали Жамбал Базару уехать отсюда подальше. Подумав, он женился на молчаливой сироте Бимбе, жившей у своего дяди на их стойбище. Он крепко полюбил худенькую Бимбу, судьба ее была чем-то схожа с его судьбой. Жамбал Базар начал понемногу забывать о ведьме и Долгор, но к осени подошли все его овцы. Неожиданно приехал на телеге круглоголовый и седой старик Доржи, живший на одном стойбище с ведьмой. Люди боялись выгнать старуху, и она жила везде в свое удовольствие и делала все, что хотела.

– Базар, ты мне не чужой человек, мы с тобой одного рода. Уезжай отсюда, – говорил старик Доржи, прихлебывая крепкий коричневый чай со сливками. – Ведьма продолжает проклинать тебя. Ты сильный и самостоятельный человек. Она не любит таких.

Жамбал Базар откочевал в оловянинские степи, где днем и ночью гремели вагоны и ревели паровозы, выпускающие из труб черный дым, как гриву. Там Бимба забеременела. Жамбал Базар бешено скакал на умном вороном, догоняя паровоз, и радостно кричал чумазому машинисту, что у него будет сын...

Но проклятье ведьмы догнало их!

В полночь Жамбал Базар на миг прижался к терпко пахнувшей морде вороного, потом взлетел в седло и твердой рукой направил коня в сторону кункурской степи.

Он не торопился, все было решено. На рассвете, когда проезжал редкие сосны Цирик Нарасуна, заморосил слабый дождик. Жамбал Базар слился с конем и ехал без отдыха. Восток медленно и слабо алел, хотя небо было закрыто хмурыми тучами, дул ветерок, и степь казалась безжизненной.

Впереди показались контуры нескольких юрт и строений. Залаяли, захлебываясь, собаки. Жамбал Базар направил коня к коновязи старика Доржи. Шел дождь, пахло мокрой землей и навозом. Вышла дородная старуха. Отгоняя собак плеткой, Жамбал Базар вошел в юрту.

Там он пробыл недолго. После горячего и обильного чаепития обрадованный гостю старик попросил обрить его седую круглую голову. Жамбал Базар охотно согласился.

Наступило хмурое, без солнца и теней, утро. Низко плыли огромные чернеющие тучи с провисшими тяжелыми брюхами. Дождь то переставал, то снова начинал моросить. Жена старика собралась доить коров и, встретилась с Долгор, что-то шепнула ей. Та вскрикнула, выронила ведро и побежала будить своего нового мужа, жирного и добродушного Дондока.

Жамбал Базар начисто и до блеска обрил голову старика, попрощался с ним и заспешил в юрту ведьмы. Лицо его исказилось от гнева и стало страшным. Навстречу ему вышли, спотыкаясь, Долгор и Дондок, ничего не понимающий спросонья. В стойбище поднялся переполох.

– Я остался один! – выдохнул Жамбал Базар, глядя на Долгор и Дондока. Ноздри его трепетали, он дрожал всеми мускулами. – Я пришел убить ведьму. Не мешайте мне, идите!

Левой рукой он, как мешок, отшвырнул Дондока и шагнул в открытую дверь юрты. Долгор вскрикнула и побежала к стреноженным лошадям... Какие силы гнали Жамбал Базара, нам никогда не узнать! Старуха спала. Он крепко схватил ведьму за морщинистое горло, приподнял ее и, как бритвой рассек ей живот вдоль и поперек. Старуха слабо всхлипнула и обмякла, запахло кровью и прокисшим дерьмом. Жамбал Базар брезгливо бросил ведьму у тлеющего очага и страшно крикнул:

– Сдохни вместе со своими проклятьями!

Стойбище проснулось, раздалось испуганные крики, топот копыт. Кто-то поскакал в колхоз.

Жамбал Базар плюнул в очаг, вытер руки и нож о халат Долгор и вышел из юрты, но маленькая дверь не закрывалась. Оглянувшись, он увидел, что за ним ползет черная ведьма. Сизые и кровавые внутренности старухи вываливались, парили и волочились по земле. Она скулила и одной рукой пыталась их подбирать.

– А-аа, ты еще жива! – крикнул обезумевший Жамбал Базар и, наклонившись, перерезал ей горло, как овце. Темная кровь залила порог и землю.

Мелко моросил дождик, поднимался ветер. Жамбал Базар вскочил на вороного и бешено помчался по взлохмаченным травам в сторону ортуйской степи. Испуганные и оцепеневшие люди смотрели ему вслед.

Старуха выплывала из сизого и сырого тумана и стояла, покачиваясь, в зеленой степи черным обгорелым деревом и, вздымая сухие руки к рваным клочьям низко летящих туч, зловеще сверкала глазами и посылала проклятья кровавым и пенящимся ртом вслед скачущему Жамбал Базару.

– Сгинь, сгинь, проклятая! – страшно кричал всадник, ловя ртом капли дождя, и ведьма медленно таяла в тумане. Но она была там!

Жамбал Базар прискакал к своему приятелю, чабану Допоргою. Узнав в чем дело, тот ахнул и предложил ему поесть, отдохнуть и обдумать все. Но Жамбал Базар не задерживался.

– Друг, проклятье все еще идет за мной! – крикнул он так отчаянно, что крепкому Допоргою стало жаль сильного Жамбал Базара. – Я перехожу границу, там много наших. Поеду к Далайнору, в Шэнэхэн!³ Помолитесь за меня...

Дородная жена Допоргоя, плача, положила ему в сумы еду, и Жамбал Базар поскакал в сторону Онона. А старуха все ползла за ним и волочила кровавые внутренности по мокрой траве.

– Сгинь! – кричал всадник, и ведьма снова таяла в тумане.

Река чернела и бугрилась. Вороной с шумом вошел в воду...

³ Далайнор – озеро на территории Китая. Шэнэхэн—место проживания бурят, бежавших из России в китайские степи.

Из аймачного центра на дребезжащей полуторке спешно выехали десять милиционеров и энкэвэдэшников-бурят: перепуганный Дондок прискакал в колхоз, люди с трудом дозвонились до милиции.

После полудня машина с милиционерами остановилась возле стоянки Допоргоя. Дождь все продолжал моросить, ветер разломачивал мокрые травы и тучи, казалось, что покачивал угловатую деревянную кабину машины. Милиционеры в шинелях поеживались.

– Вам его не догнать! – объяснял сквозь рев мотора Допоргой, промокшему круглолицему и узкоглазому энкэвэдэшнику в фуражке с малиновым околышем. – Он уже за Ононом.

– Ничего, догоним, – мрачно сказал темнолицый офицер, садясь в кабину и крикнул шоферу, сверкнув глазами. – Прямо к Онону!

Машина подъехала к реке вечером, несколько раз прошмыгнула туда-сюда вдоль берега, вдруг молоденький милиционер в кузове истошно и радостно завизжал, показывая рукой:

– Смотрите, смотрите!

– Чего орешь? Обрадовался! – оборвал его зло пожилой скуластый милиционер, вглядываясь в степь за рекой. На том берегу из кустарников выезжал мокрый всадник на вороном коне.

Полуторка резко остановилась, милиционеры попадали, потом вскочили на ноги, хлопнули двери кабины.

– Он! – крикнул офицер. – Отдыхал гад. Стрелять на поражение!

Заклацали затворы карабинов. Раскатисто прогремели выстрелы над пенящейся от дождя рекой. Вороной отпрянул в сторону и резко рванул вперед. Всадник в синем халате оглянулся в сером сумраке, махнул рукой и что-то крикнул на бурятском мокрым милиционерам. Снова загремели выстрелы, но умный вороной уносил пригнувшегося всадника в темнеющую ложбину.

– Оставьте! – вздохнул офицер. – Теперь его не достать. Может пограничники задержат.

– Надо же, ведьму убил, – прошептал молоденький милиционер и криво улыбнулся. Пожилой молча нахлобучил ему до носа буденовку и с тоской взглянул на черные, клубящиеся, тучи...

Ночью, в морозящем месиве, Жамбал Базар ускакал за границу. Пограничники проспали.

Люди рассказывали, что Жамбал Базар жил в Шэнэхэне. Он сколотил маленький крепкий отряд, собрал скот у местных бурят, закупил у японцев оружие. Отряд гонял баргутов и чахаров, которые грабили оробевших серых бурят, бежавших из России от красных, белых, зеленых, безумия и террора. Японцы и китайцы не препятствовали Жамбал Базару. Китайцам всегда нравилось, когда монголы убивали друг друга. Японцы уважали бурят-монголов и вербовали их в свою армию и разведку.

Жамбал Базар дожил до старости. Он женился и у него были дети. Говорили, что он плохо спал. Наверное, ночами старуха снова выплывала из сизого и сырого тумана и стояла, покачиваясь, в мокрой и зеленой степи черным обгорелым деревом и, вздымая сухие руки к рваным клочьям низко летящих туч, зловеще сверкала глазами и посылала проклятья кровавым и пенящимся ртом вслед скачущему на умном вороном Жамбал Базару. Но проклятье ведьмы уже не достигало до него.

Говорят, Жамбал Базар засыпал только на рассвете, но плакал и смеялся во сне...

Апрель 1998 года. Новая Заря.

ЖАРГАЛМА И ЖАРГАЛ⁴

Дикие слухи, как весенние сухие ветры и пыльные смерчи, гуляли по степи и хлопали дверями юрт. Говорили, что появились волки с человеческими головами, что начальник аймачного ГПУ в прежней жизни был летучей мышью и теперь шуршит, невидимый, ночами по степи; говорили, что ламы, отправленные в красноярские лагеря, неожиданно превратились в красно-желтых птиц и с протяжными криками улетели в Тибет; что красавица Соелэй Жаргалма и невзрачный председатель колхоза «Красный степняк» Санданов Бухо по кличке Хорхой-Борбо бежали в Японию на секретной машине по подземному тоннелю. А еще говорили, что по ночам на белых конях появляются умершие и высасывают кровь колхозных коров и овец, присвоенных у них когда-то живущими ныне; что знаменитый драчун и убийца Батын Жаргал, с малых лет прозванный Будун Хузуном⁵, бежал из лагеря, убив солдата, но либо сгинул в тайге, либо провалился под лед большой реки...

Жаргалу слухи передавала полуслепая тетка, когда он заворачивал к ней в темные и дождливые ночи. Сначала старуха приняла его за привидение, но, взглядевшись в черное изможденное лицо, признала и прошамкала, рассматривая старую шинель и буденовку:

– Значит, ты и вправду бежал! Из города бумага была, месяц милиционеры искали тебя... Потом говорили, что умер в тайге. Никто не любит тебя, ты с детства не умел жить с людьми... Тебе надо в Китай уходить. И родителям твоим надо было бежать, а не ждать тут смерти... Многие ушли. Исхудал ты, Будун Хузун, голова, как череп.

Этой ночью старуха ворчала:

– Ты еще не ушел? Выследят тебя, Жаргал. Убьют. Помолись на обо.⁶

Она раздувала в очаге юрты тлеющий аргал-кизьяк, в седые космы летел сизый пепел. Пламя вспыхнуло и высветило темные решетчатые стены. Жилистый и худой Жаргал, вытянув гибкую шею, смотрел на старуху любопытными черными глазами и молчал. Та продолжала:

– Помолись, слышишь? А ведь Жаргалма и Хорхой-Борбо и вправду исчезли вместе. Кто бы мог подумать... Скоро рассветет, поезжай, поезжай...

Жаргал помолился, положил на камни несколько монет. Заржал его навьюченный конь. Далеко внизу, поднимая летящую пыль, мчалась черным коробком полуторка. Жаргал тут же распластался за камнями и, быстро высовывая голову, оглядел степь до синеющей кромки тайги. По волнистой зеленой степи рассыпались вооруженные всадники, сверкали русла речушек, голубели в тумане горы. Жаргал снял из-за спины карабин, дослал патрон в ствол и быстро спустился к вороному с белым крупом. Облава? Чего они загонопились? Труп председателя он закопал в тайге, никто и никогда не найдет. Может быть, снова из лагеря бумага пришла или его выследили знакомые и родственники? Кто мог узнать, что внезапно исчезнувшая Соелэй Жаргалма и бежавший из лагеря Батын Жаргал обжили в тайге старую землянку? Пора сниматься отсюда, уходить за границу. Не зря, выходит, молился!

Спрятав коня в тайге, Жаргал вскарабкался на высокую коричневатую скалу, выдвигавшуюся в степь, и просидел там целый день. Гепеушники и милиционеры кружили по степи, обшаривали стоянки, юрты, в тайгу не углублялись. Последние лучи солнца на миг зацепились за иглы лиственниц и, вспыхнув, погасли. Жаргал заторопился и направил коня узкой таежной тропинкой. Стало влажно и ветрено, по небу плыли, клубясь, тяжелые тучи.

В землянке было тепло и сухо. Жаргалма все поняла по его взгляду и ни о чем не спрашивала. Они быстро вынесли два казачьих седла, стали собирать вещи. Разговаривали мало,

⁴ Популярное бурят-монгольские имена, означающие счастье.

⁵ Будун Хузун – хорек (бурят-монгольск.)

⁶ Ступа из камней, место для молений, обычно на возвышенности.

только по делу. Зачем говорить без дела и о непонятном? О чувствах молчали. Все было понятно и так. Жаргалма подумала и одела свой лучший тэрлик-халат, крытый плотным зеленым шелком с квадратными узорами. Голову повязала синим платком с бахромой. Жаргал одобрительно кивнул и достал из мешка свой синий тэрлик и красный кушак.

В густой августовской темноте они заседлали коней, навьючили на разжиревшего высокого гнедого пожитки, тронулись в путь по мокрым холодным камням и травам. В проемах туч подрагивали крупные малиновые звезды, было зябко. Жаргал уверенно направил маленький караван к аймачному центру. Никто даже не подумает, что Батын Жаргал свободно разгуливает по степи! Жаргалма, придерживая дробовик, молча ехала за ним, как будто крепкий и незримый канат связывал их и коней. Она видела в сумраке навершие его буденовки и смутно радовалась, что они снова будут жить вместе, далеко от людей. Жаргал сказал, что с ними жить нельзя. Не потому, что за свою тридцатилетнюю жизнь убил трех человек, просто он твердо и навсегда знал – жить с ними нельзя! Он не понимал почему они мучаются, чего хотят и почему жадничают, когда небо и земля дали человеку все. Она верила ему, как и десять лет назад, когда впервые увидела его...

Десять лет назад сын богача Сандана, Бухо, насильовавший безнаказанно батрачек и прозванный Хорхой-Борбоем, тщедушный урод со змеиной головой и черными точечками глаз, гулял по степи с такими же, как и он, удалцами. Ватага нагрянула, когда Жаргалма пасла овец. Она шарахнулась, как испуганная косуля от одичавших собак, но кто-то стегнул ее кнутом, кто-то рвал тэрлик. Отвратительные запахи и липкие руки душили ее. Мир отодвинулся в большом тумане, и над ней нависла омерзительная рожа похотливо хрипевшего Хорхой-Борбо, сердце резал хохот пьяных парней. Но вдруг насильник дико завизжал и вскочил на ноги со спущенными штанами. Ватага разбегалась по степи: разбойников настигал верткий и гибкий парень на саврасом жеребце. Он вертелся в седле, поднимал коня на дыбы и разъяренно, жгуче, хлестал этих трусливых и злобных собак витой плеткой.

– Ловите его! – вопил Хорхой-Борбо, подтягивая штаны; на его обритой голове вспухал багровый рубец.

Дураковатый бугай успел схватить за ногу молодца и выдернуть из седла. Но тот стремительным хорьком перевернулся в травах и, прыгнув вперед, мгновенно воткнул узкий нож в жирную ляжку бугая. Никто не успел опомниться, как дико взревел Хорхой-Борбо – хорек развалил ему острым ножом задницу. Трава повсюду была залита кровью. Насильники отхлынули. Парень, хищно пригнувшись и крепко сжимая нож, неумолимо и молча надвигался на ватагу. В белой полыни и ковылях валялись кушаки, катались и стонали бугай и Хорхой-Борбо. Жаргалма куталась в разорванный тэрлик и широко раскрытыми глазами смотрела на парня.

– Пощади, Будун Хузун! – вдруг промолвил осипшим голосом один из насильников в расстегнутом коричневом халате.

– Убирайтесь, подонки! – прошептал Будун Хузун. Неутолимая ненависть была в этих звуках. – Убирайтесь! Еще раз попадетесь – убью!

Жаргалма не слышала стонов, возни и топота копыт. Она видела только заступника. Как он ловко вскакивает в седло, его сверкающую и белозубую улыбку на матово-смуглом лице.

– Как тебя зовут? – ласково спросил он с высоты коня.

– Жаргалма, – прошептала она, вставая навстречу парню.

– А, дочь тибетского ламы. Не обижайся... А я – Жаргал. Значит, счастливые мы, Жаргалма!

Жаргал ускакал, Жаргалма не обиделась. Говорили, что ее мать, покойная Соелма, жила с тибетским ламой, который, намучившись с местными жирными ламами, покинул их и дацан. Жаргалма не видела отца, говорили, что он ушел в Тибет.

Жаргал! Черноголовый, маленького роста, в солдатской гимнастерке, перетянутой кожаным ремнем, голова туго стянута сложенным в ленту красным платком. У него гладкая и блестящая на скулах кожа, узкое лицо с тонкими чертами, будто нарисованными тончайшей китайской кисточкой, нос хищный, с едва заметной горбинкой, черные любопытные глаза и темно-малиновые губы! Но он не был злым!

Она ждала Жаргала и смотрела теперь на мир другими глазами. Люди разные, как трава, деревья, животные. Но люди обманывали и мучили друг друга, они не защищали ни себя, ни других. Они все ввали. Жаргал – совсем другой! Он появился у них на стоянке через год на том же саврасом жеребце. Легкий румянец тлел и готов был вспыхнуть под тонкой загорелой кожей на овальном и смуглом лице Жаргалмы, крыльями ласточки вздымались брови, большие и карие глаза вспыхивали искорками, спелые и припухлые губы мгновенно высыхали, когда она смотрела на Жаргала. Казалось, что все слышат, как бьется ее сердце.

Имя ее журчало, как родничок – Жаргалма! Жила она в старенькой юрте с бабушкой, которая встретила Жаргала неласково. Ведь он был сыном богача Баян-Бато, часто ездил в большой город, дружил с русскими, слыл знаменитым охотником и драчуном. Но все брошенные людьми – сироты, старики и старухи – знали, что Баян-Бато и его сын всегда помогут. Жаргал с малых лет пас табуны, обучал диких коней, ухаживал за скотом, помогал батракам и батрачкам. И еще – он разговаривал с животными, как с лучшими друзьями! Много за год узнала Жаргалма о Жаргале, сыне богача. Но Хорхой-Борбо тоже сын богача, он и его отец могут вырвать последний кусок изо рта умирающего родственника и при этом улыбаться ему и желать благополучия. Значит, Жаргал не боится и ненавидит таких!

В предрассветных сумерках они проехали мимо аймачного центра. Жаргал обернулся, и Жаргалма угадала в темноте его ласковую и печальную улыбку. «Видишь, – говорила улыбка, – все хорошо. Они нас ищут в тайге, мы – здесь, а скоро будем жить в своей юрте». Теперь она видела его синий тэрлик с круглыми узорами, красный кушак, старую буденовку, короткий карабин, и верила ему так, как можно верить солнцу, луне, траве – они не меняются, как люди, с которыми нельзя жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.